

Немецкая образовательная политика в тыловой зоне групп армий «Юг», «Б» и «А»: в свете немецких документов

Дмитрий Николаевич Титаренко

Донецкий юридический институт, Украина
83054, г. Донецк, ул. Засядька, 13
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: titarenko_tit@ukr.net

АННОТАЦИЯ: В статье на основе архивных документов рассматривается немецкая образовательная политика в тыловой зоне Восточного фронта в годы Второй мировой войны. Уделено внимание неизвестным страницам и «белым пятнам» истории.

Ключевые слова: немецкая образовательная политика; немецкие источники; группы армий «ЮГ», «Б» и «А»; Восточный фронт.

УДК 94

Дри характеристике планов и мероприятий оккупационных властей в сфере образования на оккупированной территории СССР в советской историографии исследователи традиционно акцентировали внимание на позиции высшего нацистского руководства, которое было склонно свести образовательные запросы местного населения до минимума. Процессы деидеологизации исторической науки, возможность доступа исследователей к зарубежным архивам позволяют поставить вопрос об образовательной политике на оккупированной территории несколько шире, учитывая определенные хронологические и географические параметры, особенности реализации образовательных мероприятий в разных зонах оккупации, зависимость их от позиции органов гражданской либо военной администрации. И хотя эти особенности уже нашли отражение в западной историографии [1], в постсоветской же они, несмотря на определенные наработки [2], должного освещения пока еще не получили.

Немецкая политика в образовательной сфере на южном крыле советско-германского фронта, в тыловой зоне групп армий «Юг», «А» и «Б» в течение конца 1941-начала 1943 гг. представляет определенный интерес. Это обусловлено возможностью проследить особенности ее эволюции на территории, которая играла для нацистов значительную роль и исходя из военно-хозяйственных перспектив, и с точки зрения использования ее для реализации «украинского» и «кавказского» экспериментов.

Следует отметить, что образовательная политика вермахта на оккупированной территории не отличалась единством и четкой концептуальной оформленностью. К сожалению, фрагментарность источниковой базы по проблеме не дает возможности осуществить полный и всеобъемлющий анализ политики органов военного управления в сфере образования. Цель данной публикации заключается в том, чтобы на основании имеющегося круга немецких источников определить некоторые тенденции и особенности политики органов военной администрации в данном вопросе на оккупированной территории Советского Союза.

Несмотря на то, что накануне кампании против Советского Союза планы культурной и образовательной политики относительно местного населения на территории, оккупированной вермахтом, специально не разрабатывались, затяжной характер войны вынудил обратить внимание и на этот аспект. При этом органы военной администрации зачастую действовали в рамках директив и распоряжений, регулирующих образовательную политику в зоне гражданской администрации, в частности на территории рейхскомиссариата Украина. В то же время базовым документом, который определял порядок и условия функционирования образовательных учреждений на территории, подконтрольной вермахту, стало специальное распоряжение отдела военного управления при генерал-квартирмейстере Генерального штаба сухопутных войск от 29 декабря 1941 г.

Учитывая то обстоятельство, что в ряде случаев местными военными властями могли быть по собственной инициативе предприняты определенные шаги в деле восстановления деятельности учебных заведений того или иного рода, в своем распоряжении от 29.12.1941 г. отдел военного управления четко определил перечень учебных заведений, деятельность ко-

торых могла быть разрешена. К ним, в частности, были отнесены начальные классы народных школ, все ремесленные, сельскохозяйственные и лесотехнические школы, курсы профессиональной подготовки домохозяек, швей, санитарок. Все остальные виды учебных заведений, в частности высшие учебные заведения (университеты и технические вузы), высшие школы (гимназии, лицеи и приравненные к ним учебные заведения), средние школы (семинары, общеобразовательные средние школы), профессиональные школы («общеобразовательные школы со специальными учебными планами по определенным профессиям» [3]) были запрещены. Уже начавшие свою деятельность учебные заведения такого рода подлежали закрытию.

Деятельность учебных заведений могла быть возобновлена только после проверки из соображений безопасности преподавательского состава, а также имеющихся в наличии учебных материалов. Проверка должна была осуществляться силами местных комендатур, о лицах, вызывающих подозрения, предписывалось сообщать СД. Определенное внимание было уделено вопросу обеспечения безопасности от нежелательной политической индоктринации. Так, при посредничестве немецких офицеров, служащих, унтер-офицеров, имеющих педагогическое образование, преподавательский состав должен был быть проинструктирован на предмет того, «...как в будущем проводить занятия, не оказывая нежелательное политическое влияние на молодежь» [4]. При этом, как явствует из материалов немецких спецслужб, действовавших в зоне группы армий «А», приоритет при подборе кадров отдавался тем, кто преследовался при Советской власти, либо же тем, кто работал в школе еще в дореволюционное время [5].

Особое внимание было уделено учебной литературе. Вследствие определенной периферийности в планах нацистов мероприятий, направленных на обеспечение образования местного населения, издание новой учебной литературы на оккупированной территории почти не осуществлялось. Исключение составили ряд букварей, книг для чтения, самоучителей либо учебников немецкого языка. Однако их количество, сроки выхода в свет не могли удовлетворить потребностям учащихся. В сложившейся ситуации единственным возможным выходом было использование советских учебников, подвергшихся определенному препарированию: так, в частности, из них были вырваны страницы с портретами Сталина и Ленина, страницы с лозунгами, текстами политического содержания также были вырваны либо закрашены. Имели место даже случаи целенаправленного изъятия определенного учебника: так, в декабре 1941 г. в соответствии с распоряжением отдела военной администрации подлежал конфискации учебник немецкого языка для средней школы Г. Бергманна и А. Изволенской. Поводом для этого послужило содержащееся на страницах учебника «...прославление советской системы» [6].

В том случае, если занятия не могли начаться по причине дефицита подходящих учебников, органы военного управления на местах должны были предусмотреть возможность использования перед началом занятий соответствующих заменяющих их материалов [7]. С целью компенсации дефицита необходимой дидактической литературы в некоторых местных периодических изданиях, выход которых был инициирован подразделениями пропаганды вермахта либо местными комендатурами, публиковались материалы, рекомендованные для использования в школах, так называемые «школьные страницы».

Серьезным препятствием на пути восстановления жизнедеятельности школ был дефицит школьных помещений, значительная часть которых была занята расквартированными немецкими частями либо госпиталями. Школьного инвентаря не хватало потому, что он был использован для отопления помещений, занятых немецкими военнослужащими. Примечательно, что эта проблема нашла отражение не только в материалах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (что было вполне естественно с учетом целей и задач, ставящихся перед этим органом), но и в отчетах органов военного управления на оккупированной вермахтом территории [8]. Учитывая контекст, в котором это вопрос освещался, выражаемое в отчетах сожаление по поводу неудовлетворительной работы учебных заведений, а также предпринимаемые органами военного управления определенные шаги с целью исправления ситуации, можно констатировать определенную заинтересованность этих органов в функционировании образовательных учреждений и даже в повышении их уровня.

Признавая, что вопросы языка преподавания сопряжены с трудностями и рядом неясностей, органы военного управления, руководствуясь в основном директивными документами Министерства оккупированных восточных территорий, были склонны все же в боль-

шей степени учитывать этнический состав населения и исторические условия. Так, в тыловом районе 6-й армии вермахта [9], в который весной 1943 г. входил ряд районов Сталинской, Ворошиловградской и Ростовской областей, из-за недостаточного знания украинского языка значительной частью местного населения и преподавателей, предполагалось, по крайней мере в течение переходного периода, использование в школах русского языка. В то же время акцентировалось внимание на необходимости изучения украинского языка там, где занятия «...проводятся еще не на украинском языке» [10]. В местах компактного проживания греческого населения предусматривалась возможность использования в процессе обучения греческого языка. В то же время в тылу 1-й танковой армии вермахта, тыловая зона которой располагалась севернее и охватывала часть Сталинской, Днепропетровской и Харьковской областей, преподавание на русском языке весной 1943 года признавалось нецелесообразным [11]. Однако в целом позиция военных властей была более взвешенной, нежели гражданских: так, в распоряжении рейхсминистра оккупированных восточных областей Розенберга рейхскомиссару Украины Коху и генерал-комиссарам предписывалось обеспечить обязательное использование украинского языка в качестве языка обучения [12].

Примечательно, что в зоне военной администрации так и не было обеспечено единство в плане реализации образовательных мероприятий (подобная проблема в начале оккупации отмечалась властями и в зоне гражданской администрации) [13]. Это касалось как обстоятельств, времени возобновления работы учебных заведений, так и их типов. Наряду с четырехклассными школами имели место случаи открытия семи-, восьми- и даже десятиклассных школ. Так, например, в Кисловодске, входившем в тыловую зону группы армий «А», в конце 1942 года действовало 7 семиклассных школ и 4 восьмиклассные гимназии [14].

К сожалению, имеющиеся в распоряжении исследователей материалы не только отечественных, но и зарубежных архивов не дают полного представления о том, в какой степени при возобновлении деятельности тех или иных учебных заведений играла роль инициатива органов военного управления, а в какой – позиция органов местного самоуправления. Однако, учитывая общие тенденции, характер оккупационной политики на территории Советского Союза, логично предположить, что определяющим в этих вопросах был прагматизм оккупационных властей, стремление использовать образовательную систему в качестве средства социального контроля [15].

Немаловажную роль в качестве фактора, способствующего возобновлению деятельности образовательных учреждений, играла проблема занятости молодежи. Значительное беспокойство у военных властей вызывало отсутствие системы воспитания и надлежащего контроля за молодежью, особенно в возрасте 12–15 лет, оставшейся за рамками как легитимизированной и санкционированной образовательной системы, так и системы привлечения к принудительному труду. В этой ситуации органы военной администрации летом 1942 г. выражали желание охватить молодежь посредством скорейшего открытия профессиональных школ, а также путем создания «добровольной юношеской службы» [16].

Поступающие сверху распоряжения о необходимости ограничить уровень образования местного населения четырехлетней школой воспринимались местными комендатурами с плохо скрываемым раздражением. Так, штандорткомендатура Харькова в своем отчете за май-август 1942 г. отмечала, что в прилегающих сельских районах, где до каникул работали школы более высокого, нежели четырехлетка, уровня, распоряжение об их закрытии вызвало определенное разочарование [17]. С точки зрения аргументации местной военной администрации в пользу создания более широкой сети образовательных учреждений любопытным является отчет фельдкомендатуры Дон-Донец от 24.09.1942 г. Фельдкомендант генерал-майор фон Клер, констатируя «образовательный голод» местного населения, отмечал, что последним часто ставится вопрос о дальнейшем расширении образования. Критикуя идею обучения детей, окончивших четырехклассную начальную школу, в ремесленных школах, он писал, что в возрасте 11,5 лет (возраст окончания четырехклассной школы) ребенок не созрел ни для выбора профессии, ни для обучения необходимому ремеслу. Генерал фон Клер констатировал, что украинское население придает особое значение обучению детей в возрасте от 11,5 до 14 лет и отмечал, что «...подобные интересы имеют и немецкие оккупационные власти, исходя из соображений обеспечения порядка и безопасности». Предложение фон Клера заключалось в следующем: обучение в школе должно быть семилетним, следующим этапом должно стать профессиональное образование с возраста 15 лет [18].

В то же время создание семилетних школ, по мнению оккупационных властей, делало еще более заметной проблему дефицита соответствующей литературы. В сложившейся си-

туации скорейшее издание безупречных с точки зрения политической конъюнктуры учебников являлось чрезвычайно актуальной задачей, «...поскольку использование в большей либо меньшей степени цензурированных старых учебников может быть крайней мерой только при условии, что они остаются в руках преподавателя, что не всегда возможно контролировать» [19]. Тем не менее, сеть образовательных учреждений (и количество учащихся в них) могла быть довольно значительной. Так, в мае 1943 года в тылу 1-й танковой армии вермахта насчитывалось 536 начальных школ с 1750 учителями и более 40 тыс. учащихся, а также 54 «средние школы» (очевидно, что эта дефиниция была использована применительно к семилетним школам) с 542 учителями и более 7,5 тыс. учащихся [20].

Более-менее толерантная по отношению к местному населению школьная политика рассматривалась военными властями в качестве одной из ключевых предпосылок в деле обеспечения лояльности населения. Примечательным в данной связи является то, что на состоявшемся 18 декабря 1941 года в Министерстве оккупированных восточных областей совещании с участием представителей вермахта, органов военной администрации представители по крайней мере двух групп армий «Центр» и «Б», констатируя падение уровня доверия местного населения к мероприятиям оккупационных властей, предложили «...обеспечить удовлетворение культурных запросов путем введения семилетней школы» [21]. Кризис, переживаемый вермахтом в связи с поражением под Сталинградом, развернувшееся наступление советских войск актуализировали проблему взаимоотношений местного населения и вермахта, особенно на южном крыле Восточного фронта. Во многом именно это обусловило издание 17.2.1943 г. командованием группы армий «А» и 26.2.1943 г. командованием группы армий «Юг» приказов об обращении с населением в тыловых районах групп армий [22], которые отражали положения подготовленного несколькими днями ранее в министерстве Геббельса распоряжения «Обращение с европейскими народами» [23]. В своей докладной записке на имя рейхсминистра Розенберга уполномоченный Министерства оккупированных восточных областей при штабе группы армий «Юг» (ранее при штабе группы армий «А») майор Мюллер отмечал, что «...группа армии «Юг» сделает все, что может благотворно повлиять на настроения населения по отношению к нам» [24].

Преодоление дефицита рабочей силы, прежде всего квалифицированных рабочих, отмечаемый немецкими военно-хозяйственными структурами, действовавшими в тыловых зонах армий и групп армий, стало важным стимулом в деле создания ремесленных школ и профессиональных курсов для молодежи. Вследствие изменений линии фронта, границ тыловой зоны точное количество обучавшихся в них установить невозможно, однако в соответствии с имеющимися отчетами военно-хозяйственных структур в зоне деятельности военно-хозяйственной инспекции «Юг» насчитывалось около 10 тыс. учащихся и лиц, прошедших переквалификацию, в зоне военно-хозяйственной инспекции «Центр» таких лиц было около 4500 и в зоне инспекции «Север» – около 3 тысяч [25].

Прагматизм военного командования проявлялся в стремлении использовать учащихся школ для решения задач, не связанных с учебным процессом, в частности для сбора урожая летом. При этом в качестве легитимирующего обстоятельства служило привлечение детей для подобной работы в советское время [26]. Следует отметить, что возможность использования школьников для обработки сельскохозяйственных культур и сбора урожая было одним из ключевых доводов в пользу открытия школ, выдвигаемых еще в феврале 1942 г. на совещании при военно-хозяйственной инспекции «Юг» [27].

Несмотря на имевшиеся предписания относительно невозможности возобновления деятельности высших учебных заведений, реалии текущего момента были таковы, что обеспечение нужд вермахта и местного населения требовало подготовки специалистов с более высоким уровнем квалификации.

В частности в 1942 году были предприняты попытки организовать учебный процесс в Харьковской консерватории им. Лысенко и в Харьковском художественном институте. Однако в конечном итоге деятельность профессорско-преподавательского состава консерватории и зарегистрированных студентов свелась к организации и проведению концертов для немецких военнослужащих. Что касается художественного института, то после безуспешных попыток наладить в его стенах учебную работу, приоритетом стала производственная деятельность. Профессора и студенты института в основном занимались выполнением заказов немецких военнослужащих, рисуя их портреты и организовывая художественные выставки [28].

Сложная эпидемиологическая ситуация, сложившаяся на оккупированной территории, необходимость минимизировать угрозы заражения немецких военнослужащих инфекционными болезнями в условиях достаточно тесных контактов с местным населением в условиях тыловой зоны служили достаточным аргументом для создания ряда медицинских школ. В условиях дефицита врачей в конце 1942 г. в г. Сталино для бывших студентов 4-го и 5-го курсов Сталинского медицинского института были созданы пятимесячные учебные курсы, учебный процесс на которых осуществляли бывшие преподаватели мединститута. После первого выпуска курсы продолжили свою работу [29]. Серьезное внимание немецких спецслужб, действовавших в зоне группы армий «А», привлекли как местные профессорско-преподавательские кадры, так и эвакуированные из Ленинграда, хотя данных об их практическом использовании немецкие источники не содержат [30].

Анализ немецких документов, характеризующих политику вермахта в сфере образования на оккупированной территории, дает возможность констатировать, что она определялась прежде всего стремлением иметь в своем распоряжении квалифицированные кадры для использования в военно-хозяйственных целях, решения минимальных социальных проблем населения. Немаловажную роль играло желание оккупационных властей использовать систему образования в качестве инструмента социального контроля над молодежью, средства, снижающего уровень социальной напряженности и препятствующего росту подпольно-партизанского движения. В целом политика органов военной администрации характеризовалась способностью к эволюции, стремлением учитывать требования момента и ситуации, даже если прагматизм военных не всегда соответствовал ключевым постулатам нацистской политики по отношению к населению оккупированных территорий.

Примечания:

1. Blanka Jerabek. Das Schulwesen und die Schulpolitik im Reichskommissariat Ukraine 1941–1944 Im Lichte deutschen Dokumente. Ukrainische Freie Universität München, 1991; Dieter Pohl. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. Oldenbourg, München, 2008. S. 144–146; Arnold, Klaus Jochen. Einfaches Rechnen bis höchstens 500“? Die deutsche Militärverwaltung und das Schulwesen in den besetzten sowjetischen Gebieten 1941–1944 // Kontrapunkt. Vergangenheitsdiskurse und Gegenwartsverständnis. Festschrift für Wolfgang Jacobmeyer zum 65. Geburtstag. Hrsg. von Sabine Mecking und Stefan Schröder. Essen, 2005. S. 71–82.

2. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзит книга, 2004. С. 399–431; Потильчак О. Нацистська політика у сфері підготовки спеціалістів із середньою та вищою спеціальною освітою в Україні (1942–1944) // Архіви окупації. 1941–1944 / Держ. ком. архівів України; Упоряд. Н. Маковська. К. : Вид дім «Києво-Могилянська академія», 2006. С. 782–790; Добров П.В., Бистра М.О. Система освіти в Донбасі у роки Великої Вітчизняної війни : монографія. Донецьк : Норд-Прес, 2006. С. 64–117 и др.

3. Очевидно, в данном случае имелись в виду техникумы.

4. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg (далее – ВА-МА). RH 22/205. Bl.19.

5. Bundesarchiv, Berlin (далее – ВА). R 58/699. Bl. 208

6. ВА-МА. RH 22/205. Bl.17.

7. ВА-МА). RH 22/205. Bl.19.

8. ВА-МА. RH 23/353. Bl.82.

9. 6-я армия под командованием генерал-полковника Холлидта была вновь сформирована в марте 1943 г. на базе оперативной группы «Холлидт» вместо уничтоженной под Сталинградом 6-й армии под командованием генерал-фельдмаршала Паулюса.

10. ВА-МА. RH 23/353. Bl.52.

11. ВА-МА. RH 23/19. Bl. 91.

12. ВА. R 6/69. Bl. 132.

13. ВА. R 6/70. Bl. 87.

14. Bundesarchiv, Berlin (далее – ВА).R 58/699. Bl. 208

15. Theo J. Schulte. The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia / Theo J. Schulte. Berg Publuschers Limited, 1989. S. 171.

16. ВА-МА. RH 22/47. Bl. 49.

17. ВА-МА. RH 22/204. Bl. 334.

18. BA-MA. RH 22/206. Bl. 26.
19. BA-MA. RH 23/353. Bl. 51.
20. BA-MA. RH 23/18. Bl. 73.
21. BA. NS 19/3758. Bl. 4.
22. BA. R 6/140. Bl. 74.
23. BA. R 6/140. Bl. 36-38.
24. BA. R 6/140. Bl. 73.
25. Die deutsche Wirtschaftspolitik in den besetzten sowjetischen Gebieten 1941–1943: der Abschlussbericht des Wirtschaftsstabes Ost und Aufzeichnungen eines Angehörigen des Wirtschaftskommandos Kiew/hrsg. und eingeleitet von Rolf-Dieter Müller. Boppard am Rhein: Boldt, 1991. S. 310.
26. BA-MA. RH 22/47. Bl. 198.
27. BA-MA. RH 22/191. Bl. 114.
28. Скоробогатов А.В. Харків у часи німецької окупації (1941–1943) / А.В. Скоробогатов. Харків: Прапор, 2004. С. 309.
29. BA-MA. RH 23/355. Bl. 209.
30. BA. R 58/699. Bl. 21–23.

German Educational Policy in Rear Zone of Army Groups South, B and A in German Documents

Dmitriy N. Titarenko

Donetsk Institute of law, Ukraine
83054, Donetsk, st. Zasyadka, 13
PhD (History), associate professor
E-mail: titarenko_tit@ukr.net

ABSTRACT: The article, basing on archive materials, considers German educational policy in the Eastern Front rear zone during World War II. Special attention is attached to unknown chapters and blank pages of history.

Keywords: German educational policy; German sources; Army Groups South, B and A; Eastern Front.

UDC 94

